

Петр Выходцев

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНЫЙ СБОРНИК ЛЕНИНГРАДСКИХ ПОЭТОВ *ЛЕПТА*

Сначала оговорюсь: вряд ли можно называть то, что я собираюсь написать, рецензией. Если быть точным, то стоило бы скорее обозначить так: «Недоумение по поводу коллективного сборника ленинградских поэтов „Лепта“».

Впрочем, начнем по порядку. Я не первый год занимаюсь советской поэзией, и предложение издательства «Советский писатель» отрецензировать сборник стихов неизвестных пока молодых поэтов Ленинграда меня, естественно, заинтересовало. Несколько удивило, правда, слегка претенциозное название «Лепта» и слишком самоуверенное заявление авторов в первых же строках «Предисловия» о том, что их творчество «поможет любителям литературы осознать настоящий этап развития советской поэзии как момент, исполненный творческой диалектики, и, стало быть, свидетельствующий о потенциальности поэзии к дальнейшему плодотворному развитию».

Что ж, подумал я, мало ли приходилось встречаться с подобными самонадеянными декларациями молодых, убежденных в том, что они открывают новую эру в литературе. И, оставив в стороне «Предисловие», я, по старой привычке, с нетерпением принялся за чтение стихов.

Однако, первое же стихотворение, открывающее сборник, – «Беседа» (автор Леонид Аронзон) удивило своей малограмотностью с точки зрения языка. Возможно, думал я, автор пытается обновить и обогатить русский язык, но всё же нельзя писать «Где кончаются заводы, *начинаются природы*», потому что в русском языке нет множественного числа слова «природа». Л. Аронзон мог бы, не поленившись, заглянуть в любой словарь русского языка и увидеть, что слово «природа» толкуется в них как «всё существующее во вселенной, органический и неорганический мир», а раз так, то двух, трех и т.д. природ не бывает. Таким образом, *природы* появились здесь ради, хотя и не слишком новаторской (заводы-природы), но только ради рифмы. С молодыми подобное бывает. Но беда в том, что эти первые небрежные строки задали тон всему стихотворению: появляются *бабочки лесные, которые так трепещут эти дочери* (совершенно без-

вкусные строчки), затем *Стадо божских коровок в многи тысячи головок* (безвкусица усугубляется попыткой возродить стиль Третьяковского); а дальше уже лошадь, *обернувшись к миру задом по привычке трудовой*, ходит, *шеей кончив головой...* Претензия на глубокий подтекст (*по привычке трудовой*) вполне соответствует элементарным нарушениям правил русского языка: задом к миру можно повернуться, а не обернуться, оборачиваются лицом; но к абстрактному (как здесь) *миру* ни повернуться, ни обернуться вообще нельзя, потому что она лошадь сама находится в этом *мире*; кроме того, ей, этой лошадке, никак не удастся *кончить* шеей головой, как автору свести концы с концами. Здесь все слова измучены авторской нарочитостью. И совсем не удивляют последующие строки –

Две коровы сходом Будд
Там лежат и там и тут.

Сходом вместо «сходством», да еще *сходом Будд* без обычного в русском языке предлога «с», *там лежат и там и тут* – не правда ли, какая очаровательная детскость? Как можно *сходом...* *там лежат и там и тут* – известно одному богу и автору. Можно, вероятно, прочитать эти строки и по-другому: две коровы лежат, подобно сходу (сходе, собранию (!)) Будд. Если даже таковые сходы Будд проводили, то две коровы не могут образовать сход или собрание, тем более *там лежат и там и тут*, если их всего две; кроме того, фраза опять-таки звучит не по-русски: *сходом Будд* лежать – всё равно, что «собранием или сходкой кого-то стоять». Словом, как говорит Аркадий Райкин, – рекбус, крокворд!

К сожалению, всё стихотворение написано на таком же уровне (как и последующие произведения того же автора). Весьма печально и то, что подавляющее большинство помещенных в *Ленте* произведений столь же смело «обогащают» русский язык и русскую поэзию за счет нарушения его норм. <...>

Мне показалось, что этот увесистый том попал ко мне по ошибке, что каким-то образом у меня в руках оказался эмигрантский сборник 20-х годов или некая самиздатская литература, а никак не произведение современных молодых поэтов. Посудите сами:

Утратив задушевность слога,
я отношусь к писанью строго
и Бога светлые слова
связую, дабы тронуть Вас
не созерцаньем вечной пытки
иль тяжбы с властью и людьми:
примите си труды мои
как стародавнюю попытку

витыми тропами стиха,
 приняв личину пастуха,
 идти туда, где нет погоды,

где только Я передо мной,
 внутри поэзии самой
 открыть гармонию природы...

И год написания – 1967! Но, может быть, я сужу слишком рано и мое первое впечатление обманчиво? Читаем дальше. Вот первые строчки других стихотворений Леонида Аронзона: *Печально как-то в Петербурге...* (34), *Увы, живу, мертвецки мертв...* (36), *Как хорошо в покинутых местах! Покинутых людьми, но не богами...* (37) и т.д. и т.п. Свечи, карты, ливреи, ангелы, да и сам господь Бог – вот постоянные атрибуты стихотворений Леонида Аронзона, которыми открывается сборник *Лента*. Случайно ли это? Ведь именно зачином песня и красна. И, видимо, составители не случайно выделили этого автора на первое место. Герой Леонида Аронзона угрюм и печален. («Чересчур, увы, печальный, я и в радости угрюм...»). Он ищет «плэнэр для смерти» (кстати, этот, на наш взгляд, не слишком удачный образ повторяется затем в другом стихотворении). Герой этот, несомненно, городской житель, несколько тягостно чувствующий себя на свежем воздухе, на природе, которую он жеманно именуется плэнэром. Похожи на плохой перевод с французского и такие строчки: «себя в траве лежать оставив», «глаза лица», «лицо целую в темя головы» и мн. др. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

И удивительными покажутся читателю признания в том, что «люди ему не чета» (37), что оставшись наедине с собой, поэт «возводит себя в сан Бога» (38), что он «цезарь сам» (32) и т.д. и т.п. Вот, к примеру, стихотворение, которое озаглавлено «Осень 1968 года»:

<...>

Можно спорить, насколько удачно или неудачно здесь автор имитирует раннего Пастернака, но совершенно бесспорно то, что и ему хочется, подобно О. Мандельштаму и Б. Пастернаку, ввести читателя в этот по-своему интересный мир. Но при ближайшем знакомстве со стихами Л. Аронзона выясняется, что культура автора слишком бедна и поверхностна; и привлекает он ее элементы лишь для утверждения необычности и «избранности» своего так называемого лирического героя.

И общее настроение стиха, и образы, и словесные обороты порождены не мироощущением человека середины XX века (стихотворение помечено датой 1968), а всё тем же нарочитым желанием создать образ «необычного» героя, явно противостоящего «рядовому» современнику. Госка по ливреям и каретам, как видим, вполне серьезна и по-своему логична для

героя, которому очень хочется выглядеть особым, возвышающимся над бременной современностью. И хотя это далекое прошлое автор знает лишь по книгам, а происходящее вокруг него принципиально не хочет видеть, знать и понимать, он упорно пытается придать своим надуманным мыслям некую значительность. Поэтому естественным кажется и «трагический» вывод: «Вот жизнь дана, что делать с ней?» (36). <...>

7.2.1976